

Комната наполнилась неловкостью и внезапно возникшим двусмысленным напряжением, словно достаточно одной искры, чтобы вспыхнуло помещение, до краёв наполненное газом.

Никто не решался шевельнуться первым.

Когда Линь Ханьчжи уже собирался сказать что-нибудь, чтобы исправить ситуацию, Ци Гу тихо рассмеялся:

— Всё-таки мы друзья.

Немного баловать своего единственного друга — вполне естественно.

Линь Ханьчжи с облегчением выдохнул, но одновременно объяснение Ци Гу вызвало у него какое-то едва заметное недовольство. Он и сам не мог понять, что именно ему не нравится, просто два слова почему-то неприятно царапали слух и не давали покоя.

— Чего застыл? Играть не будем? — Ци Гу уже пополнил счёт и поторопил его.

Линь Ханьчжи тоже подавил лишние эмоции и продолжил играть вместе с ним.

С усилением «бесконечное возрождение» Линь Ханьчжи, разумеется, больше не мог окончательно погибнуть, зато постоянно находил самые редкие баги: то застревал в щели стены и не мог выбраться, то бесконечно падал, так и не достигая земли. В итоге игру всё равно приходилось перезапускать.

Ци Гу был потрясён игровой удачей Линь Ханьчжи и решил, что по степени невезения тот вполне может с ним соперничать.

Но, подумав ещё немного, Ци Гу решил: а иначе с чего бы им стать друзьями?

Поиграв ещё некоторое время, Линь Ханьчжи напомнил Ци Гу, уже совершенно забывшему о Вэй Цае:

— Посмотри, он ничего нового не написал?

Ци Гу взял телефон и увидел: доказательств Вэй Цай так и не предъявил. Вместо этого он вцепился в то, что его жалобу не приняли, а ещё поставил лайк старому видео, где после того, как Ци Гу зашёл в гостиничный номер, туда же следом вошла группа откровенно одетых мужчин и женщин. Так он пытался доказать, что у Ци Гу плохой характер и его словам нельзя доверять.

Линь Ханьчжи прищурился, глядя на ролик. Голос стал холодным:

— А он умеет переводить стрелки.

Ци Гу заметил, что даже из-за игровых багов Линь Ханьчжи не выглядел настолько раздражённым.

— Компьютер есть? Одолжи ненадолго.

Линь Ханьчжи позвонил дворецкому по внутренней линии. Вскоре тот принёс дорогой ноутбук и спросил, не требуется ли им что-нибудь ещё.

Линь Ханьчжи сразу отпустил его.

Ци Гу открыл компьютер. Белые тонкие пальцы стремительно забегали по клавиатуре, вводя длинные цепочки команд и быстро переключаясь между страницами. Его миндалевидные глаза сосредоточенно следили за экраном, заполненным кодом.

Очень скоро Ци Гу взломал сервер системы видеонаблюдения того самого отеля.

В архивных резервных копиях он нашёл запись камеры в коридоре возле своего номера, скопировал её на компьютер, вырезал фрагмент, где спустя меньше минуты после входа мужчин и женщин из номера выходит он сам, и опубликовал видео в Weibo.

Закончив, Ци Гу посмотрел на Линь Ханьчжи:

— Готово.

На красивом лице Линь Ханьчжи ничего нельзя было прочитать, только голос звучал напряжённо:

— Раз ты умеешь такое, почему не оправдался раньше?

— Не видел особого смысла. Разрыв контракта всё равно уже был решён. Даже если бы в этот раз я всё объяснил, в следующий он придумал бы другую клевету. И так по кругу. Это ведь не пошаговая игра, — беззаботно сказал Ци Гу и лениво откинул голову на мягкую подушку позади.

Сейчас он оправдывался только потому, что Линь Ханьчжи это беспокоило.

Глядя на такого Ци Гу, Линь Ханьчжи вдруг вспомнил: когда досье Ци Гу впервые попало к

нему в руки, на фотографии человек тоже стоял с таким ленивым, безразличным выражением, словно даже падение неба его не касается.

Управление по делам аномальных событий обычно набирало людей либо по рекомендациям крупных школ и кланов, либо из тех, кто сам приходил предложить свои способности. Конечно, бывало и так, что сотрудники Управления замечали талантливого человека и сами приглашали его на работу.

Но с досье Ци Гу всё было иначе. Линь Ханьчжи нашёл его в запечатанном ящике, оставленном в Управлении предыдущим начальником. Печать на ящике не открывали много лет, но лежавшие внутри сведения о Ци Гу обновлялись в реальном времени: возраст в досье точно соответствовал возрасту Ци Гу на тот момент, когда документ оказался в руках Линь Ханьчжи.

Вместе с досье лежало письмо предыдущего начальника Управления. Его звали Юэ Юань. Он был самым уважаемым наставником Линь Ханьчжи и человеком, который впервые привёл его в Управление по делам аномальных событий.

Линь Ханьчжи рассказывал Ци Гу, что в детстве любил сидеть на крыше и смотреть в пустоту, представляя падение вниз. Но однажды он действительно шагнул с высоты.

Тогда ему показалось, что тело стало невесомым, словно он вот-вот вернётся в объятия матери. Но это ощущение длилось лишь мгновение. Открыв глаза, он увидел, как навстречу с бешеной скоростью приближается твёрдая каменная площадка.

Его охватил страх — настоящий, исходящий из глубины души, от которого невозможно избавиться усилием воли.

И именно тогда Юэ Юань бросился к нему и подставил руки. Семья Юэ прежде всего практиковала телесные техники. Юэ Юань голыми руками поймал Линь Ханьчжи, падавшего с высотного здания, и при этом сам не получил травмы.

Тогда он был высоким и мощным, вставал словно огромный медведь, но опускал Линь Ханьчжи на землю осторожно и мягко. Он не стал ругать ребёнка, только сказал:

— Ханьчжи, если ты действительно больше не можешь выдержать, я не буду тебя винить. Этот мир слишком несправедлив к тебе. Но... подумай ещё раз как следует, хорошо?

Маленькому Линь Ханьчжи приходилось изо всех сил задирать подбородок, чтобы увидеть квадратное, строгое лицо Юэ Юаня. Долго спустя он разрыдался у него на руках, плакал до полного изнеможения, а потом крепко уснул.

После этого на крышу он больше не ходил.

Он начал изучать наследственные техники семьи Линь, а в качестве дополнения осваивал телесные методы рода Юэ. Юэ Юань передал ему тайные семейные приёмы, но никогда не говорил, что берёт его в ученики, и Линь Ханьчжи тоже сознательно продолжал называть его дядей Юэ.

Линь Ханьчжи прекрасно понимал, почему Юэ Юань поступал именно так: он не хотел, чтобы наследие семьи Линь оборвалось.

Юэ Юань был лучшим другом его отца, братом и почти родным человеком. Теперь, после страшной гибели всего клана Линь, он не мог ничего изменить и потому, естественно, хотел хотя бы помочь сыну своего брата продолжить семейную традицию.

Юэ Юань умер от болезни, к концу превратившись почти в кожу и кости. Благодаря могучим телесным техникам он мог выдерживать даже атаки высокоуровневых злых духов, но за долгие годы боёв с нечистью накопил множество скрытых повреждений. Умер он совсем не легко — скорее, чрезвычайно мучительно.

А Линь Ханьчжи так и не успел увидеть его в последний раз. Он был занят заданиями, накапливал заслуги и всеми силами поддерживал Управление, которое Юэ Юань уже не мог вести дальше.

Однажды Линь Ханьчжи сидел в кабинете, когда-то принадлежавшем Юэ Юаню, и внезапно, как в детстве, когда Юэ Юань приводил его сюда, захотел заглянуть в бумаги в ящиках стола. Наклонившись, он заметил на боковой деревянной панели внутри ящика участок, чей оттенок немного отличался от остального дерева.

Если бы человек не сидел именно в кресле начальника Управления и не опустил голову очень низко, эту слабую разницу цвета невозможно было бы заметить.

Линь Ханьчжи просто замер, опустив взгляд, в холодном воздухе кабинета целую минуту. Только потом вытащил тонкую деревянную пластину и увидел надпись: «Шкаф D-11, третий ряд».

Он не пошёл туда сразу. Лишь позже, когда ему понадобилось взять из архива старые материалы для очередного задания, Линь Ханьчжи отправился в хранилище и, как положено, записал в журнале у входа своё имя, номер задания и сведения о документах, которые собирался просмотреть.

Разумеется, он указал данные текущего задания.

Получив нужные ему бумаги, он только тогда подошёл к шкафу, указанному на деревянной пластине, и нашёл внутри старинный деревянный ящик, запечатанный семейной печатью рода Юэ.

Печать была особенной — можно сказать, тайным искусством семьи Юэ. Но Юэ Юань когда-то обучил ему и Линь Ханьчжи.

Дрожащими пальцами Линь Ханьчжи открыл ящик и увидел внутри досье Ци Гу и письмо Юэ Юаня.

После известия о смерти Юэ Юаня Линь Ханьчжи почти не плакал. За спиной даже находились люди, называвшие его бессердечным: начальник Юэ так хорошо к нему относился, а после его смерти Линь Ханьчжи не пролил по нему ни одной слезы.

Линь Ханьчжи не обращал внимания на такие слова. Иногда он и сам думал, что холоден. Может быть, все слёзы он выплакал ещё в детстве, поэтому теперь уже не способен плакать?

Но когда на белой бумаге с красной разлиновкой он увидел знакомый почерк: «Ханьчжи, давно не виделись. Желаю тебе благополучия», — слёзы хлынули так сильно, что едва не размыли написанные иероглифы.

Ему пришлось упрямо поднять голову и держать письмо перед глазами в неудобной позе, чтобы читать. Влажная пелена в глазах почти не успевала высохнуть.

Стоило прежним слезам чуть отступить, как появлялись новые.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/19046/1949098>